

Дѣло сотни Сѣрова подѣ Иканомѣ.

(Изъ исторіи завоеванія Туркестанскаго края).

«Претерпѣтый до конца, сей спасенъ будетъ»
(Мрк. 13. 13).

Изъ многихъ славныхъ дѣлъ, совершенныхъ нашими войсками при покореніи Туркестана, особенно яркой звѣздой блеститъ дѣло сотни Сѣрова подѣ Иканомѣ. Главный герой его недавно сошелъ въ могилу ¹⁾; (тогда туркестанцы впервые горячо молились объ упокоеніи его души). Пройдутъ еще многіе годы, но память объ его подвигѣ не изгладится, всегда будетъ предметомъ удивленія и примѣромъ необыкновеннаго мужества, храбрости и стойкости, проявленныхъ его сотней, — въ назиданіе будущихъ бойцовъ.

Дѣло это было въ 1864 году. За полгода передъ этимъ нашими войсками былъ взятъ городъ Ташкентъ.

Чтобы изгнать изъ него русскихъ, регентъ Кокандскаго ханства Алимкулъ рѣшился внезапно напасть на городъ, укрѣпленія котораго были не вполне исправлены.

Онъ разсчитывалъ при этомъ на содѣйствіе жителей и громадное численное превосходство своего войска: у него было около 10,000, русскихъ же въ городѣ всего 2¹/₂ роты, нѣсколько орудій, да сотня казаковъ. 4-го декабря передовыя части Алимкула тайкомъ дошли до селенія Икана, верстахъ въ 20-ти отъ г. Туркестана, а на слѣдующій день и все войско подступило-бы къ городу и напало-бы на гарнизонъ города внезапно, какъ спѣтъ на голову. Сотня Сѣрова разбила весь этотъ планъ. Сотня эта 4-го декабря была выслана и. д. коменданта города для осмотра мѣстности и для уничтоженія шаекъ непріятеля, котораго, предполагалось, въ окрестностяхъ не болѣе 400 человекъ. Въ сотнѣ было: 2 офицера, 5 урядниковъ, 98 казаковъ, 4 артиллериста, фельдшеръ, фурштатъ и горный единорогъ.

Подвигаясь впередъ, сотня къ вечеру подошла къ Икану, около котораго были видны огни. Это были огни непріятеля, который давно замѣтилъ сотню и слѣдилъ за ней. Казаки спѣшились, оградилъ себя заваломъ изъ мѣшковъ съ провіантомъ и фуражемъ; коней помястили въ среднемъ, а

¹⁾ Василій Иродіоновичъ Сѣровъ умеръ въ 1891 г. 14 іюля, въ чинѣ генералъ-лейтенанта; послѣ Ивана участвовалъ въ дваѣхъ подѣ Ташкентомъ, Самаркандомъ и др. По окончаніи походовъ былъ призванъ мирнымъ устроителемъ и администраторомъ покореннаго края. Умеръ въ своемъ хуторѣ, кармановской станицы, Уральскаго казачья войска.

сами залегли по окружности. Едва успѣли они принять это оборонительное положеніе, какъ кокандцы массами двинулись на нихъ, сначала тихо, а потомъ вскачъ, съ гиканьемъ. Казаки дружно встрѣтили натискъ мѣткимъ ружейнымъ огнемъ и картечью единорога.

Храбрые казаки просились ударить въ штыки, но изъ этого не позволили. Озадаченный неожиданнымъ отпоромъ, потерявшій сразу много убитыми и ранеными, непріятель отхлынулъ прочь. Но велѣдъ за тѣмъ съ новою яростію, съ криками «алла» кокандцы кинулись на горсть храбравцовъ. Картечь единорога и дружный огонь казаковъ опять охладили ихъ пылъ. Тогда кокандцы прекратили нападены на время, остановились на почъ вблизи и развели костры. Казаки могли передохнуть. Отступать ночью было рискованно; рѣшили ждать выручки изъ Туркестана, куда была слышна пальба. Получше сгрядились мѣшками и трупами убитыхъ лошадей. Чтобы скрыть свою малочисленность, единорогъ передвигали и стрѣляли съ разныхъ сторонъ. Между тѣмъ непріятель открылъ навѣсный огонь изъ орудій; гранаты падали близко и били осколками: первая же граната убила нѣсколько лошадей; 4 казака были контужены; не мало было помято ружей. Пользуясь темнотою ночи, кокандцы старались незамѣтно подпазывать къ отряду, чтобы потомъ броситься на казаковъ. Но безуспѣшно. Благодаря тонкому слуху и острому зрѣнію казаковъ, воспитанныхъ среди безконечныхъ равнинъ, они чутко прислушивались ко всякому шероху, звуку, вглядывались въ темноту и парализовали каждую попытку кокандцевъ. Безконечно долго тянулась ночь среди орудійной и ружейной пальбы, среди напряженнаго вниманія, но казаки духомъ не падали, убѣжденные въ своемъ превосходствѣ надъ противникомъ, какъ-бы онъ не былъ многочисленъ и золь. Старые и опытные поддерживали и ободряли новичковъ. Наконецъ прошла и долгая ночь. Наступившее утро доставило лишь одно облегченіе: видѣли, что дѣлается у противника, который не могъ уже напасть внезапно.

Кононада продолжалась. Казаки однако приберегали пули, зря не трогали выстрѣловъ, а лишь на самой близкой дистанціи; только сохранивъ патроны, они были увѣрены, что удержатъ противника на почтительномъ разстояніи. Стрѣляли по отдѣльнымъ смѣльчакамъ, которые иногда небольшими партіями подсакивали къ отряду и не одинъ изъ нихъ поплатился за попытку похвастаться своею удачею и отвагой предъ своими товарищами. Казацкіе пули находили также и начальниковъ, насколько ихъ можно было

замѣтить по расшитымъ халатамъ, богатымъ сѣдельнымъ уборамъ; подъ самимъ Алимкуломъ подбили лошадей. Огонь противника, особенно артиллерійскій, все болѣе и болѣе усиливался. Нашъ-же единорогъ безсмысленно валь: послѣ 8-го выстрѣла сломалось колесо; приладили было колесо отъ заряднаго ящика, но оно плохо подошло, да и снаряды берегли. Въ отрядѣ стали показываться раненные. Такъ тянулся одинъ часъ за другимъ въ мучительномъ ожиданіи выручки.

Между тѣмъ видно было, что толпы противниковъ вдругъ потянулись на сѣверъ: это онѣ пошли къ Туркестану. Вотъ движеніе среди непріятеля какъ-бы усилилось... чу! издалека отъ города донесся гулъ орудіянаго выстрѣла... что это такое? Идетъ-ли выручка, или же началась стрѣльба со стѣнъ Туркестана по подступившимъ кокандцамъ? Разныя чувства волновали храбрецовъ, заброшенныхъ среди непріятеля. Опять выстрѣлъ, и какъ будто слышишь, ближе, — ясно, что это идетъ выручка! Все ожило, востепенудось; каждый чувствовалъ, что онъ не покинуть, что товарищи идутъ выручать его изъ бѣды.

Всѣ напряженно ждали, что вотъ — вотъ изъ-за пригорка покажутся знакомые штыки, посматривали въ ту сторону, не спуская глазъ и съ непріятеля. Но стрѣльба стала затихать, какъ будто даже и отдаляться; и затѣмъ... затихла. Значить, выручка не дошла, — вѣрно заключили казаки. Огромная толпа кокандцевъ стянувшіяся къ городу, быстро окружили высланный изъ города отрядъ съ 2 орудіями, и своею массою заградили путь и недопустили его до сотни какихъ-нибудь версты за 3 или 4. Сжатый со всѣхъ сторонъ, храбро отбиваясь, отрядъ повернулъ назадъ, преслѣдуемый до самаго города торжествующимъ врагомъ. Послѣдній появился почти въ самомъ городѣ, и звуки трубъ его слышались даже въ цитадели, куда свезены были семейства всѣхъ. Каждый съ грустью сознавалъ, послѣдствія этой неудачи: тамъ вдали, около Икана, попрежнему должна бороться одна одинокая сотня, и что ей теперь еще труднѣе, еще безограднѣе. Но казаки духомъ все-же не упали; какъ прежде, прямо и смѣло взглянули они въ лицо смерти, рѣшились дорого продать свою жизнь, а живыми въ руки на посрамленіе бусурманамъ не даться. А кичливый Алимкулъ шлетъ записку «на татарскомъ діалектѣ»: «куда теперь уйдешь отъ меня? Отрядъ, высланный изъ Азрета (Туркестана) разбитъ и прогнанъ назадъ; изъ тысячи твоего отряда (видно Алимкулъ каждого казака считалъ за десятерыхъ) не останется ни одного. Сдайся и прими нашу вѣру; никого не обижу».

Это обидное предложеніе измѣнить вѣрѣ отеческой только укрѣпило казаковъ въ твердой рѣшимости постоять за себя. Лучше смерть, чѣмъ позоръ. Получивъ отказъ, Алимкулъ рѣшился хитростью сломить упорство казаковъ. Изъ сотни замѣтили какое-то движеніе у непріятеля: подвозили на арбахъ камышъ, мелкій лѣсъ, хворостъ... Казаки стали догадываться, что наконецъ задумывается «идти подкатомъ», прикрываясь арбами.

Но скоро наступила темнота, скрывшая станъ непріятельскій, а затѣмъ и другая ночь, столь-же томительная, какъ и первая. Невеселыя думы навѣвала она на казаковъ, укрывавшихся за своими завалами отъ обложившаго ихъ врага. И не на эту слабую преграду надѣялись казаки, еслибы непріятель вдругъ вздумалъ подъ прикрытіемъ ночи штурмовать ихъ, а на свою удалъ и силу казацкую. Но казаки уже два дня не пили и не ѣли, двѣ ночи не знали сна и отдыха, начала гнуться казацкая сила, да и патроны приходили къ концу. Тогда сотникъ Сѣровъ рѣшилъ послать о себѣ вѣсти въ городъ. Нѣсколько смѣльчаковъ вызвались на это трудное дѣло, сѣли на коней и скрылись въ темнотѣ, но скоро вернулись, поткнувшись на разъѣздъ. Не легко было пробраться среди рыскавшихъ партій кокандцевъ, когда всюду горѣли огни, стояли пикеты и ходили разъѣзды. Отправились второй разъ, и Богъ помогъ казакамъ. Словно выходяцы съ того свѣта появились они предъ стѣнами города и подали вѣсти изъ отряда: записку Сѣрова ¹⁾ и письмо Алимкула.

Снаряжена была вторично выручка, которая и выступила изъ города въ часъ дня 16-го числа. Въ отрядѣ Сѣрова утромъ этого дня замѣтили, что въ непріятельскомъ станѣ за ночь появились огромные связки хвороста и камыша въ видѣ большихъ валовъ, въ разныхъ мѣстахъ, чтобы ихъ было удобнѣе накатывать; насчитывалось 16 подвижныхъ щитовъ и арбъ. Вчерашняя догадка оправдалась: дѣйствительно, «подкатомъ» задумали идти Кокандцы. За этими сооруженіями они были безопасны отъ казачьей пули. Съ 7-ми часовъ утра уже закипѣлъ отчаянный бой. Ожесточенный противникъ сражался часто и мѣтко, постепенно подвигаясь къ казакамъ съ трехъ сторонъ. Къ часу дня всѣ лошади были перебиты, 37 человекъ убито, много переранено. Четыре раза бросались кокандцы въ рукопашную, од-

¹⁾ Въ запискѣ, написанной карандашомъ, въ подлинникѣ хранящейся въ Ташк. историч. музее, сказано всего: «Полковникъ, присылайте скорѣе помощь, близъ Ивана на самой дорогѣ окружены кокандцами въ большемъ числѣ ранивъ».

нако были отбиты. А помощи казакамъ въ этомъ трудномъ неравномъ бою все еще не было слышно изъ города. Не находя больше силъ сдерживать своимъ огнемъ все тѣснѣе и ближе наступавшаго врага, храбрецы рѣшались на отчаянное дѣло: пробиться къ городу, или же пасть въ открытомъ бою. И вотъ горсть героевъ, заклепавъ злополучный единорогъ, переломавъ нешужия ружья, какъ раненый левъ, выскочила изъ-за своихъ заваловъ. Кокандцы были просто ошеломлены, но скоро увидѣли, что вмѣсто тысячи русскихъ—было лишь нѣсколько десятковъ, и съ дикими криками ринулись за кучкой храбрецовъ, другіе густыми колоннами старались загородить путь. Мѣткій огонь казаковъ однако осаживалъ ихъ. Сарбазы (стрѣлки) въ свою очередь со всѣхъ сторонъ начали разстрѣливать пробивающихъ уральцевъ. И вотъ, когда кто-либо изъ этихъ героевъ, истекая кровью и лишаясь послѣднихъ силъ, падалъ на землю, то, какъ звѣри лютые, съ неистовыми криками бросались кокандцы на свою безпомощную жертву и на глазахъ всѣхъ рубили. Голову спѣшили отрѣзать, чтобы скорѣе представить начальству, какъ доказательство своей храбрости и удалства, достойныхъ награды. И казаки награждали кокандцевъ за ихъ «доблесть»: не одинъ изъ такихъ «героевъ» рядомъ съ своимъ кровавымъ трофеемъ слагалъ и свою голову, пораженный мѣткимъ выстрѣломъ товарища. Потомъ уже видъ выстрѣловъ казачьихъ, враги свободно насмѣхались и надругались надъ обезглавленными трупами. Все тяжелѣе и тяжелѣе становилось отступающимъ, когда тотъ или другой, выбившись изъ силъ, истекая кровью, или подбитый въ ноги, падалъ въ изнеможеніи... Прощай товарищъ! и каждый крѣпче сжималъ винтовку, чтобы послать пулю кокандцу, наскакивающему на упавшаго казака. Движеніе все болѣе и болѣе замедлялось, многіе еще передвигали ноги; пройдя три часа, казаки отошли всего на 8 верстъ. Бойцевъ становилось все меньше и меньше; чѣмъ далѣе, тѣмъ число раненыхъ становилось больше, многіе получили по двѣ, по три раны и болѣе; много вели подъ руки, чтобы какъ-нибудь спасти товарища. Кровавый слѣдъ, поломанныя ружья, да трупы—обозначали страшный путь уральцевъ. Тутъ погибъ одинъ изъ офицеровъ (Абрамичевъ). Когда первая пуля ударила въ високъ,—онъ пошелъ подъ-руку; вторая ударила въ бокъ,—онъ еще продолжалъ идти, пока пули разомъ не хватили въ обѣ ноги, тогда онъ упалъ. «Рубите скорѣе голову, не могу идти», только могъ выговорить онъ послѣднюю просьбу. Послѣ, собирая растерзанные трупы, едва узнали его—по окровавленному клочку кармана.

Такъ продолжалось отступленіе. Начинало уже темнѣть; всякій напрягалъ послѣднія силы, отбивался и шель... А ужъ помощь была близко къ многотрадальной сотнѣ. Вотъ послышалась ружейная стрѣльба; скоро толпы кокандцевъ отхлынули прочь въ разныя стороны, какъ хищныя волки при приближеніи охотника: на пригоркѣ въ полуверстѣ показались бѣгущіе навстрѣчу солдаты. Велика была общая радость! Всѣ горячо твѣрили крестное знаменіе, обнимались, цѣловались. Съ окончаніемъ дѣла воодушевленіе, поддерживавшее бойцовъ, исчезло, а съ нимъ и силы, — ослабѣвшихъ героев повзли на высланныхъ подводахъ. Раненые были помѣщены въ лазаретъ, откуда многіе не вернулись уже на берега родного Урала.... А цѣлымъ отъ ранъ оказался какимъ-то чудомъ казакъ (Черновъ) — одинъ изъ всѣхъ. Изъ двухъ офицеровъ одинъ былъ убитъ, другой — командиръ сотни — раненъ въ грудь и контуженъ въ голову; пальто его было прострѣлено въ 8 мѣстахъ; изъ 5 урядниковъ — 4 убито, а 1 раненъ; изъ 98 казаковъ — 50 убито, 36 ранено, 4 артиллериста ранены, фельдшеръ и фурштатъ убиты; нѣкоторые имѣли по 5 и 6 ранъ; у урядника (Борисова) 37 ранъ. — Тяжелая задача выпала на долю уральцевъ, но они честно и съ большою пользою выполнили свой долгъ: обнаружили врага, на свою грудь приняли всѣ его удары, трехдневнымъ боемъ задержали его и дали время укрѣпиться гарнизону Туркестана.

Далеко среди невѣрныхъ разнеслась молва о непоколебимой доблести русскихъ чудо-богатырей, солдатъ русскаго Бѣлаго Царя. А впереди этимъ чудо-богатырямъ предстояли еще большія дѣла: подъ Чимкентомъ, Тапкентомъ, Джизакомъ, ждали своей очереди Самаркандъ, Геокъ-тепе, Махрамъ у многіе др. города и крѣпости, надъ которыми и взвился побѣдный двуглавый орелъ.

Мы не будемъ перечислять тѣ Царскія награды и отличія, которыя получили всѣ участники славнаго дѣла, оставшіеся въ живыхъ; за Царемъ служба не пропадаетъ, какъ и за Богомъ молитва. Что-же до умершихъ, то имъ кромѣ молитвы больше ничего и не надобно. Надъ ихъ общей братской могилой и была тогда-же совершена эта молитва. Они счастливы: (мы вѣруемъ, что) они — праведныя жертвы долга — увѣнчаны теперь мученическимъ вѣнцемъ отъ Царя Славы.

На полѣ битвы надъ ихъ костями возвышается обнесенный орудіями и цѣпями, памятникъ, пирамидальной формы, съ великимъ христіанскимъ сим-

воломъ страданій и побѣды, и надписью: «памяти воиновъ павшихъ подъ Иканомъ въ 1864 году».

Помянемъ товарищей, павшихъ въ бою,
Подъ Иканомъ жизнь положившихъ свою,
«Увѣнчанныхъ доброю славою.

И вспомнивъ о нихъ, позавидуемъ имъ,
На вѣки засыпанныхъ прахомъ земнымъ.
— И всё мы поляжемъ въ грядущіе дни,
Какъ въ старые годы ложились они,
Свершая дѣла исполинскія».

(Р. К.)

Ташкентскаго в. собора Священникъ А. Б. 1).

1) По описанію М. Хорошхива: «Дѣло подъ Иканомъ»,—по рапорту (дубликату) начальника Уральской кавачьей сотни, № 372, Фелуза Строва,—допосевію подпоруч. Суворки (посланнаго на выручку) за № 19 отъ 8 дек. 1864 г. и вѣдомости старш. лекаря.